

ТОЕФУСА КИНОСИТА

Восприятие Л. Н. Толстого и Достоевского в Японии в первой половине XX века в контексте развития литературных и общественных идей

В контексте восприятия великих русских писателей в Японии напомним слова Д. Мережковского: «Если бы в литературе всех веков и народов пожелали мы найти художника, наиболее противоположного Л. Толстому, то нам пришлось бы указать на Достоевского». Вслед за этим Мережковский указывает на соприкосновение и совпадение «по закону сходящихся крайностей, взаимного тяготения двух полюсов одной той же силы»¹.

Такая характеристика, данная Мережковским, оказала значительное влияние на японскую читающую публику в начале XX в.

С книгой Мережковского, изданной в 1901 г. в России, в Японии познакомились по журнальным статьям 1906–1909 гг. через английский перевод 1902 г., а в 1914 г. книга была издана на японском языке в переводе с немецкого издания.

Хотя до этого времени оба русских писателя были достаточно известны японской читающей публике, можно сказать, что Толстой был более популярен. Еще при жизни Толстой привлекал внимание в Японии прежде всего религиозных мыслителей христианского протестантизма. Они интересовались трактатами «Исповедь» и «В чем моя вера», основываясь на английском переводе.

В 1890 г. один из руководителей протестантской секты Уэмура в журнале «Нихон Херон» (орган секты) представил Толстого скорее как мыслителя и публициста, чем романиста. По его словам, «Толстой выступает пророком общества. Он верен призванию проповедовать истину. Художественные произведения являются для него просто средством учить и воспитывать народ»².

Вслед за Уэмура некоторые публицисты протестантского круга на основе материалов из Америки и Европы познакомили в своих журналах публику с биографией Толстого и с «отлучени-

ем» его от православной церкви. Кстати, японские протестанты в это время играли ведущую роль в формировании журналистики. Они оказались под влиянием американского пуританизма и с этой точки зрения сочувствовали толстовству.

Русско-японская война (1904–1905) стала для протестантских мыслителей-публицистов камнем преткновения. Когда содержание антивоенного толстовского памфлета «Одумайтесь!», напечатанного в «Лондон таймс» 27 июня 1904 г., стало известно в Японии через центральные газеты, а затем и полный его текст на японском языке был опубликован в газете социалистов «Хэймин симбун» от 7 августа, большинство протестантских деятелей были смущены и реагировали на толстовский пацифизм негативно из-за националистических настроений и боязни угрозы со стороны властей. И так они отошли от Толстого.

Социалисты (в то время анархические или христианские) солидаризировались с Толстым на основе идей антивоенного и антигосударственного гуманизма, а также социального равенства.

Они были глубоко воодушевлены Толстым, но тем не менее не могли не сознавать идеологическое различие в понимании причин войны.

Таким образом, Толстой еще при жизни и как религиозный мыслитель, и как антивоенный деятель оказывал большое влияние на японскую публицистику, хотя у нее всегда оставались какие-то разногласия с его позицией.

Что касается Толстого-писателя и его восприятия в контексте художественной литературы, то до начала XX в. на японском языке были опубликованы такие его произведения, как «Люцерн», «Семейное счастье», «Детство», «Поликушка», «Казачки», «Крейцера соната»; отрывки из «Севастопольских рассказов», романов «Анна Каренина» и «Война и мир».

В истории японской литературы знакомство с творчеством Толстого совпадало по времени с рождением и развитием японского натурализма. В 1890-е гг. японские литераторы познакомились с французским натурализмом. Сначала стали известны Золя и Мопассан; в частности, теорией «экспериментального романа» Золя как принципиальной установкой творчества заинтересовались литераторы японского натурализма. Некоторые критики и писатели стали активно проповедовать свою позицию на основе этой теории. Стали популярны такие лозунги или определения, как «обнажающее описание», «печаль от обнаженной реальности», «искусство разочарованного времени», «без идейности, без разрешения» и т. д.

Как трактовались в такой ситуации произведения Толстого? Приведу высказывание известного писателя и критика, представителя японского натурализма Масамунэ Хакучио: «Уникальные повести Толстого „Крейцера соната” и „Смерть Ивана Ильича” оценивались как типичные произведения натурализма», тогда как «произведения Достоевского представлялись писателям-натуралистам этого времени преувеличенными и неправдоподобными, искусственными; инородными и не согласующимися с духом нашего натурализма»³.

В русле натурализма Толстой воспринимался в Японии не столько как гениальный художник, но, скорее, как великий моралист. Японские писатели, представители чистого натурализма, остались в пределах духа «сомнения и исповеди», в состоянии «без разрешения, без идейности», а толстовские гуманистические идеи и пути разрешения проблем интересовали молодых писателей группы «Сиракаба» («Белая береза»), состоявшей в основном из представителей аристократического сословия. Их привлекла толстовская идея «кающегося дворянина». Общей для некоторых из них была тема отношений с горничной, ассоциировавшаяся с отношением Нехлюдова к Катюше.

В частности, писатели Мусянокодзи Санэацу и Арисима Такэо, представлявшие эту группу, находились под сильным влиянием идей Толстого. Мусянокодзи в студенчестве увлекался Толстым и, критикуя паразитизм своего класса, попробовал руководствоваться учением Толстого. Но он не мог долго оставаться под влиянием Толстого. В моральном плане он вскоре преодолел толстовство, но и перестав соблюдать толстовское моральное кредо, он провел в жизнь проект, подсказанный идеями Толстого: создал коммуны «Новая деревня».

Арисима написал роман «Женщина», перекликающийся с «Анной Карениной». В его записной тетради неоднократно упоминается образ героини Толстого. Отрицая собственность, он отдал свою ферму на Хоккайдо крестьянам. Хотя в романе Арисимы «Женщина» обнаруживается влияние романа «Анна Каренина», и вообще, как отмечает Масамунэ, «такой бум в связи с Толстым возник в литературном мире, тем не менее в области творчества совсем не наблюдалось значительного (его. — Т. К.) влияния. <...> Если бы он (литературный мир. — Т. К.) действительно подвергся влиянию толстовского творчества, наше творчество прекратило бы свое существование. Мы были так ошеломлены его мастерством, так поражены размахом его работ, что заниматься творчеством с нашими жалкими способностями казалось совершенно невозможным»⁴.

Японист из ИМЛИ Ким Рехо в книге «Русская классика и японская литература» (1987) отмечает: «Что же касается значения творчества Толстого для японской литературы наших дней, то оно пока еще не стало предметом специального исследования»⁵.

Теперь перейдем к Достоевскому.

О Достоевском в Японии узнали почти в то же время, что и о Толстом. Японская публика познакомилась с Достоевским впервые в 1892 г.: роман «Преступление и наказание» перевел с английского Утида Роан, известный публицист и писатель. Тем не менее до начала XX в. по сравнению с Толстым Достоевский был мало известен публике в переводе: только часть романа «Униженные и оскорбленные» (1893) и воспоминания Варвары из «Бедных людей» (1908).

Как будто приуроченные к выпуску переведенной книги Мережковского «Л. Толстой и Достоевский», после 1914 г. один за другим были опубликованы переводы произведений Достоевского: «Униженные и оскорбленные» (1914), «Записки из Мертвого дома» (1914), «Идиот» (1914), «Братья Карамазовы» (1914), «Бедные люди» (1915) и т. д.

В 1916 г. известное издательство «Синтиося» начало выпуск ежемесячного журнала «Изучение Толстого», продолжавшийся до 1919 г.; всего было выпущено 29 номеров. Из них два номера посвящались специально Достоевскому.

Еще задолго до этого времени в повести писателя Симэя Фтабатэя «Плывущее облако» (1887) отмечается значительное влияние поэтики Достоевского. Кстати, эта повесть считается знаковой работой, открывающей развитие японской литературы нового времени. Фтабатэй сам был русистом и выдающимся переводчиком русской литературы — произведений Тургенева, Гоголя, Гаршина, Горького и др. Он сыграл роль реформатора в выработке стилистического единства литературного и разговорного языка, переведя «Свидание» и «Три встречи» Тургенева.

Хотя он никогда не переводил Достоевского, но лучше всех вчитался в его произведения «Преступление и наказание» и другие и признал в своей повести заметное влияние Достоевского.

Фтабатэй обратил внимание на противоположность авторского подхода к изображению персонажей у Тургенева и Достоевского. По его наблюдению, Тургенев находится вне персонажа и относится к нему более или менее критически. Достоевский же ассимилируется с героем, т. е. автор остается внутри персонажа. Как писателю, ему был ближе подход Достоевского. На основе

такого примечательного наблюдения Фтабатэй впервые в японской литературе достиг реализации несобственно-прямой речи в изображении сознания героя. Однако он полагал, что в изображении его героя имеется незавершенность и считал это неудачей, не осознавая своего стилистического новаторства⁶.

В восприятии Достоевского в Японии конца XIX в. пример Фтабатэя был исключительным и частным явлением. Даже в 1910-е гг. Достоевский воспринимался рядом с Толстым просто как писатель-гуманист, отстаивающий человеческое отношение к социальным низам.

Один из выдающихся поэтов нового времени, Хагивара Сакутаро, испытавший в свое время потрясение и восторг по прочтении романа «Братья Карамазовы», критиковал группу «Сиракаба» («Белая береза»), находившуюся под влиянием толстовства, и ее восприятие Достоевского: «Когда я читал Достоевского, как раз группа «Сиракаба» активно действовала, и гуманизм владел умами поколения. Члены группы «Сиракаба» поставили Толстого и Достоевского рядом, на одном уровне и обожали их как двух богов литературы. Именно они дали мне повод узнать и читать Достоевского. Раз прочитав Достоевского, я стал пренебрегать их теорией литературы, потому что произведения Достоевского и Толстого совсем иного, противоположного рода и, следовательно, являются по существу двумя полюсами космоса, настолько различными, что тот, кто любит одного, не любит другого. Героический пафос группы «Сиракаба», обожаящей обоих писателей одинаково только за их сентиментальную гуманность, показался мне слишком детским и поверхностным»⁷.

Поэт Хагивара до знакомства с Достоевским сам мучился космологическими сомнениями, очень напоминающими сомнения Ивана Карамазова. Он вел двойную жизнь: декадентскую, с падениями и в то же время с горячим поиском высокого идеала. Его спасла встреча с романом «Братья Карамазовы», в частности, с идеями старца Зосимы⁸.

Совершенно иначе, нежели в случае с Толстым, восприятие Достоевского стало своего рода социальным, интеллектуальным явлением после 1930 г., накануне Второй мировой войны. В процессе милитаризации японского общества власть стремилась истребить антиправительственную пропаганду. Не только социалисты, но даже либералы были арестованы японским «Третьим отделением» и принуждены отказаться от своих идей и политической позиции. Ощущение психического и морального перелома распространялось в среде интеллигенции.

В такой ситуации в январе 1934 г. была переведена и издана книга Л. Шестова «Достоевский и Ницше» под заглавием «Философия трагедии». Интерпретация Шестовым психологии подпольного человека послужила поводом для оценки Достоевского как изменившего в Сибири свои прежние убеждения и начавшего в 1860-е гг. разрабатывать идеологическую критику рационализма. В журналах и газетах даже происходили дискуссии и стали очень популярны выражения «тревоги Шестова», «феномен Шестова»⁹.

Рядом с этими социальными и интеллектуальными явлениями существовала попытка определить сущность Достоевского как художника. Писатель модернистско-формалистического направления Йокомицу Риити ставил задачу изображать человека раздробленного сознания вследствие перелома убеждений как распространенное явление времени. Он провозгласил «теорию чистого романа», позаимствовав это название из романа французского писателя А. Жида «Фальшивомонетки». Тем не менее в своей теории он назвал в качестве первого образца «чистого романа» «Преступление и наказание» Достоевского.

Йокомицу предложил создать в «чистом романе» «четвертое лицо», которое, по его мнению, будет необходимо для отображения «тревожного духа самосознания», иначе говоря, «нового существования лица, которое видит себя». Вокруг «теории чистого романа» возникли дискуссии в журналах¹⁰. Обсуждался вопрос о «четвертом лице». Теперь мы можем сказать, что подход Йокомицу к этим проблемам был очень близок к наблюдениям М. Бахтина по осмыслению полифонического характера поэтики Достоевского. Молодой Кавабата, будущий лауреат Нобелевской премии, уже тогда отметил, что «неверно рассматривать понятие „четвертого лица“ в грамматическом плане. Оно выражает именно точку зрения художественного видения автора»¹¹.

Несмотря на теоретическую декларацию по созданию нового романа, писателю Йокомицу самому не хватало внутреннего переживания идеи. Ему, формалисту, был чужд идейный, серьезный психологический перелом, такой, какой наблюдался у писателей пролетарского, марксистского направления. Его произведения на практике были далеки от выполнения поставленной задачи.

В такой ситуации, накануне Второй мировой войны, в 1936 г. между вышеупомянутым писателем, критиком натуралистического направления Масамунэ и критиком молодого поколения Кобаяси Хидэо возникла так называемая дискуссия вокруг

идейности и жизни. Поводом к началу дискуссии послужила публикация последнего дневника Толстого в японском переводе под заглавием «1910 год». Прочитав последний дневник Толстого, Масамунэ писал: «25 лет назад, когда в Японию пришло сообщение об уходе из семьи и кончине Толстого на деревенской станции, японские литераторы сразу поверили, что Толстой отправился в дорогу, не перенесши метафизической муки, с целью найти спасение, и они были в умиленном восхищении. В действительности оказалось, что Толстой боялся жены и бежал из семьи. <...> Когда вчитались в дневники Толстого и узнали, что он боялся жены, света, пугливо бежал из дома, отправясь в одиночестве, и наконец умер в дороге, его история представляется нам и трагической, и комической, как будто зеркальным отражением истины жизни. Увы, наш почтенный и любимый старик Толстой!»¹².

Против такого снижения смысла ухода Толстого из семьи до натуралистически-прозаического уровня выступал Кобаяси Хидэо. В университете он специально изучал французскую литературу, в частности символизм. В тяжелой для интеллигенции ситуации, отмеченной «тревогой Шестова», «феноменом Шестова», Кобаяси серьезно изучал Достоевского. Его интересовало соотношение жизни и творчества писателя. При этом он, принимая взгляд А. Жида на Достоевского, обратил внимание на вопрос тайны творчества, когда личность писателя, в жизни, по-видимому отмеченная противоречивыми свойствами характера, которые присущи многим его персонажам, в процессе творчества возрождается как богатый и огромный художественный мир. Он писал о Достоевском: Достоевский мог жить своей беспорядочной жизнью, потому что он верил в порядок художественного творчества. Для таких гениев, как Достоевский, захваченных демоном творчества, реальная жизнь должна быть фиктивным царством¹³.

Кобаяси обнажал и критиковал наивное, не социализированное «я» японских натуралистов, которые опираются только на узкое понимание «я» в кругу семейном или товарищеском.

Резко критикуя Масамунэ с этой точки зрения, Кобаяси справедливо воспринял уход Толстого из семьи как поиск разрешения идейных проблем в конце жизни. Он подчеркнул: «Идеи не бывают без оснований в реальной жизни. Тем не менее идеи, не требующие жертвования реальной жизнью, имеют место только в мозгу животных. Идеи воспитываются непрерывным жертвованием реальной жизнью»¹⁴.

Таким образом, Кобаяси, с одной стороны, ссылаясь на Достоевского и Жида, объявил возможность рождения в современной японской литературе романа на принципе «индивидуальной личности»; с другой стороны, он рассуждал о соотношении идейно-творческой и реальной жизни писателя в дискуссии вокруг ухода Толстого из семьи. Впоследствии Кобаяси написал хорошую биографию Достоевского, главным образом на основе материалов из французских источников, и опубликовал ряд замечательных статей о творчестве Достоевского.

После поражения японского милитаризма в 1945 г. на руинах всей страны, в атмосфере освобождения и экзистенциальной психологии, японские интеллигенты особенно увлекались Достоевским. Писатели молодого поколения, опираясь на свое переживание войны, в ситуации лишения свободы при милитаризме, создали ряд замечательных произведений. При этом Достоевский подсказывал им очень многое в подходе к человеку, в анализе его психологии, отображении глубин души человека.

Можно сказать, что во второй половине XX в. влияние Достоевского на современную японскую литературу оказалось и все еще оказывается самым сильным: не только сильнее влияния Толстого, но и других классиков мировой литературы.

